

Глава I

На море стоял мертвый штиль. Ни единого корабля, лишь силуэты чаек замерли над монотонно-серой водой. Хотя небо заволокли грозовые тучи, ветра не было. Вдали виднелась чистая линия горизонта. Столь же пустынный галечный берег был густо усеян спутанными пучками водорослей, а бесчисленные раковины крошились под ногами. Волноломы, призванные остановить неутомимую стихию, сгнили и позеленели от морской тины. Унылая, безрадостная сцена — но было в ней какое-то спокойствие; а мертвая тишина и неброские тусклые краски могли бы принести мир израненной душе. Однако мук одинокой женщины на берегу им было не смягчить. Она не шевелилась, ее уверенный взгляд смотрел в никуда. Природа не знает ни любви, ни ненависти; она улыбается всякому, у кого на душе легко; несчастного же делает печальнее. Какая горькая насмешка: рассудительный Эпикур, полагавший, что боги, свободные от человеческих страстей, живут в своих небесных дворцах, не зная печали, надежды и отчаянья, вдали от бурлящей человеческой толпы, вошел в историю как приверженец необузданных удовольствий.

Впрочем, безмолвная гостья не нуждалась в утешении. Суровая гордость побуждала ее искать опоры лишь в самой себе, и даже когда невольная слеза тяжело скатывалась по щеке, она лишь нетерпеливо встряхивала головой. Глубоко вдохнув, женщина решительно приказала себе сменить тему размышлений.

Но нет, от ярких воспоминаний было не отвлечься. Разум ее, словно почтовый голубь, уносился на легких крыльях к иному берегу, а морская тишь напоминала совсем о другом море. Пролив Солент... Гладь залива вошла в ее жизнь с раннего детства, и вот теперь спокойные воды у самых ног неудержимо будили в памяти знакомые картины. Тихие волны омывали берега Гемпшира с очаровательной, нигде более не виданной настойчивостью, и пусть водному простору недоставало безграничного величия открытого моря, он был таким родным и привычным... К тому же пролив нес в себе частичку соленой свежести океана, и стоило окинуть его взглядом, дух сразу перехватывало от ощущения свободы. Иногда, сумеречными зимними вечерами Солент предстал в ее памяти столь же безжизненным, как раскинувшееся сейчас у ног Кентское море, однако воображение всегда наполняло его кораблями, спешащими то в родной порт, то в открытое море. Она любила их все до одного. Любила огромные пароходы, что пересекали океан с пассажирами и грузом, не боясь ни ветра, ни волн; ночами же, когда в темноте виднелась лишь длинная цепочка огней, ее завораживала мысль, что на борту тысяча человеческих душ, и они на-

правляются в полную неизвестность. Любила пылящие паромчики, на которых окрестный люд отправлялся в Саутгемптон: кто за покупками, а кто с плодами фермерского труда на продажу; она дружила со всеми здоровяками-капитанами и обожала их неизменно важный вид. Любила рыбацьи лодки, что выходили в море в любую погоду, и элегантные яхты, пронесившиеся по заливу с утонченной грацией. Любила тяжелые барки и бригантины, что скользили с торжественной легкостью под всеми парусами, ловя легчайшее дуновение бриза — они были как величавые птицы и неизменно наполняли ее душу радостью. Но больше всего она любила грузовые пароходы, которые с мрачным, несгибаемым упорством ползли из порта в порт — большей частью угловатые и уродливые, потрепанные стихией, грязные или плохо покрашенные... И все же сердце ее принадлежало им, чья судьба казалась столь незавидной. Молодой капитан никогда не восхитился бы их элегантными обводами, и сердце его не забило бы от случайного взгляда на вдруг наполненный ветром парус; ни один пассажир не похвалил бы их за скорость и красоту. Эти честные торговцы, трудолюбивые и надежные, смело встречали бурю и каждый день смотрели в лицо опасности, не жалуясь на судьбу. Она безошибочно улавливала в их скромном повседневном труде — романтику, а в молчаливом труде — красоту, и часто, наблюдая за пароходами, она представляла себе диковинные товары в их трюмах и долгие экспедиции к чужим берегам. Они обладали особым неуловимым обаянием, поскольку путешествовали по южным мо-

рям, где белые города с кривыми улочками безмолвствуют под синим небом.

Так и не сумев избавиться от нахлынувшей острой тоски, одинокая женщина повернулась и зашагала по тропе через болота. На сердце было по-прежнему беспокойно: ей чудилось, будто она узнает эти места: домик береговой охраны, низины, неглубокие канавы, среди которых прошла вся ее жизнь. Тут и там щипали траву овцы, а пара пасущихся рядом лошадей окинула женщину безразличным взглядом. Вяло помахивала хвостом корова. Беспристрастному наблюдателю ровные и однообразные берега Кента показались бы попросту скучными, она же находила их прекрасными. Побережье напоминало родной дом, который ей уже не суждено увидеть.

Именно к дому то и дело устремлялись мысли женщины. Прежде, скользнув где-то по самому краю, ум ее неизменно обращался к другим предметам; теперь же она полностью предалась воспоминаниям.

Аллертоны владели Хамлинс-Перлью три сотни лет, и надгробие, изображающее основателя династии вместе с двумя его женами в платьях с плечеными воротниками и жесткими лифами, до сих пор красовалось у алтаря приходской церкви. Скульптура работы итальянца, которого вместе с другими мастерами заманили в Англию строить капеллу Генриха VII, отличалась особой утонченностью Ренессанса и замечательно смотрелась в скромной англиканской церкви. На протяжении трех сотен лет Аллертонов отличали рассудительность, храбрость

и достоинство, так что за это время стены церкви покрылись многочисленными свидетельствами их доблестей и успехов. Они породнились с окрестными семействами, и по этим мраморным табличкам можно было составить полный список гемпширской знати. Маддены из Брайса, Флетчеры из Хортон-Парка, Донси из Мейден-Холла, Гарроды из Пенды — все они когда-то выдавали своих дочерей за Аллертонов из Хамлинс-Перлью; и Аллертоны из Хамлинс-Перлью точно так же выдавали девушек с богатым приданым за Гарродов из Пенды, Донси из Мейден-Холла, Флетчеров из Хортон-Парка и Мадденов из Брайса.

С каждым поколением Аллертоны становились все высокомернее. Своеобразное географическое положение выделяло эту семью из всех соседей. Гарроды, Донси и Флетчеры могли пешком ходить друг к другу в гости, Мадден же из Брайса, самый родовитый и богатый, а потому — уважаемый джентльмен во всем графстве, жил милях в семи-восьми, тогда как поместье Хамлинс-Перлью лежало на берегу моря, отделенное от остальных лесами. Его хозяева жили обособленно и потому отличались характером от прочей знати. Они находили повод для гордости в обширности собственных владений. Пусть немалая их часть состояла из солончаковых болот, а еще большая из невозделанных пустошей, остальные были ничуть не хуже, чем у других землевладельцев Гемпшира, а общая площадь на бумаге смотрелась весьма внушительно. Однако главным поводом для самоуважения они считали уровень собственного развития.

Ничто не питает гордость так сильно, как ум, и Аллертоны всегда почитали своих соседей невежами. То ли особое положение земли, где они родились и росли, выработало у них привычку к самонаблюдению, то ли что-то такое было у них в крови, но все Аллертоны интересовались умственными материями, которые никогда не беспокоили Флетчеров, Гарродов из Пенды, Донси, а также Мадденов из Брайса. Превосходные охотники, они скакали и стреляли наравне со всеми, но вдобавок читали книги и отличались остротой ума — сколь неожиданной, столь же и притягательной. Толстые окрестные сквайры считали Аллертонов светочами учености и за стаканом портвейна радовались, что среди них имеются люди, блестяще сочетающие благородное происхождение и мастерство наездника со здравым умом и энциклопедическими познаниями. Обстоятельства потворствовали тому, чтобы Аллертоны ценили себя чрезвычайно высоко.

Мало того что они поглядывали свысока на людей, с которыми сталкивались ежедневно — такое встречается часто, — но и сами эти люди с готовностью смотрели на них снизу вверх.

Аллертоны путешествовали по Европе с подобающим их положению шиком, а письма сыновей с описаниями Парижа, Вены, Дрездена, Мюнхена и Рима, а также важных особ, с которыми они водили компанию, бережно сохранялись в семейном архиве. Все они проявляли похвальный интерес к искусствам, и каждый непременно привозил с собой какие-нибудь прелестные вещицы, приобре-

тенные за границей в соответствии с модой того времени. Красивую каменную усадьбу Хамлинс-Перлью украшали итальянские картины, французские шкафчики изысканной работы, всевозможные бронзовые изделия, гобелены и старинные восточные ковры. В садах, за которыми ухаживали с любовью, росли диковинные деревья и цветы, невиданные в других областях Англии. Каждый Аллертон с неумемной гордостью заботился о семейных владениях и почитал за высшую честь сделать их еще прекраснее и передать своему наследнику в еще большем великолепии.

Наконец Хамлинс-Перлью перешло в руки Фреда Аллертона, и боги, столь долго допускаявшие процветание этого дома, решили обрушить свой гнев на его обитателей. В характере Фреда Аллертона черты предков сложились каким-то особенным образом, приведшим к неожиданному краху. Аллертоны всегда отличались красотой, убедительностью в речах и удивительной широтой взглядов, и Фред был, пожалуй, самым симпатичным и уж точно самым очаровательным из всего рода. Однако свобода от предубеждений, позволявшая предкам обуздывать собственную гордость, выродилась у него в полнейшую беспринципность. Лишившись отца и матери в двадцать лет, он уже через год оказался хозяином обширных владений. Для всех, кто кормился с собственной земли, тогда наступили тяжелые времена, и Фред Аллертон оказался не столь богат, как его предшественники, однако с немалой расточительностью предавался удовольствиям. Единственный из всего семейства, он не жил в Хам-

линс-Перлью постоянно, совершенно им не интересовался и лишь изредка приезжал поохотиться. Жил он большей частью в Париже, где в ранние годы Третьей республики еще сохранялись остатки имперского распутства, и быстро прославился мотовством и скандальными похождениями. Ему постоянно не везло, все предприятия оканчивались крахом, но он не терял всегдашней жизнерадостности. Фред хвалился, что проигрывал деньги во всех игорных притонах Европы до единого, и клялся, что сразу же бросил бы эти отвратительные скачки, если бы лошадь, на которую он поставил, выиграла хоть один забег. Его неотразимое очарование привлекало множество друзей, и он с безграничной щедростью одалживал деньги каждому встречному. Однако быть всеобщим любимчиком дороже, чем держать племенной завод, и вскоре Фреду Аллертону понадобились наличные. Не моргнув глазом он заложил свои земли и счастливо жил в роскоши, пока и эти деньги не подошли к концу.

В конце концов он вытянул из Хамлинс-Перлью все до последнего пенса и влез в долги, но все равно ездил на породистой лошади, жил на широкую ногу, одевался лучше всех в Лондоне и устраивал роскошные пиры. Вскоре он понял, что лишь удачная женитьба поможет ему поправить дела. Фред Аллертон был все еще весьма привлекателен и на собственном опыте знал, как легко говорить женщинам приятные вещи. В его голубых глазах горел особый огонек, убеждавший всякого в его добродушии. Нравом Фред обладал веселым и энергичным. Он остановил

свой выбор на мисс Боулджер, одной из двух дочерей ливерпульского промышленника, и сумел в кратчайший срок уверить ее в собственной любви. Неизменная убедительность Аллертона побудила ее ответить взаимностью на его страсть. Очевидно, вторая сестра тоже была от него без ума, и в кругу близких друзей Фред с уморительной прямоотой жаловался на закон, который не позволяет жениться на обеих сестрах и заполучить сразу два состояния вместо одного. Он сочетался браком с младшей мисс Боулджер и из ее приданого заплатил по закладным на Хамлинс-Перлью, покрыл собственные долги и еще несколько лет жил припеваючи. Бедняжка в упор не замечала его недостатков и восхищалась мужем от всей души. Она полностью доверила ему управление своим состоянием и жалела лишь о том, что связанные с этим заботы постоянно держат его в столице. Женившись, Фред Аллертон ударился в коммерцию и решил, что у него есть деловая жилка, а потому с головой ушел во всевозможные финансовые махинации. Стоило одной аванюре закончиться крахом, он с энтузиазмом бросался в следующую, которая должна была его озолотить. Пятнадцать лет супружества миссис Аллертон прошли в буйном веселье, которого Хамлинс-Перлью дотопле не видел. Фред привозил с собой удивительных персонажей, и знаменитая столовая, в которой столетиями велись как ученые, так и легкомысленные дискуссии о достоинствах греческих и латинских авторов, о величии итальянских мастеров, теперь наполнилась странными разговорами о биржах и акциях, компаниях, синдикатах, опционах и холдин-

гах. Скоропостижно скончавшаяся миссис Аллертон понятия не имела, что муж спустил отложенные для детей деньги до последнего пенни, повторно заложил обширные угодья предков и по уши влез в долги. Она отошла с его именем на устах, благословляя тот день, когда они впервые встретились. У них родились сын и дочь. Когда мать умерла, Люси было пятнадцать, а ее брату Джорджу — десять.

Теперь Люси было двадцать пять. Это она, обратившись спиной к Кентскому побережью, медленно брела через болото, и прошедшие десять лет в одно мгновение промелькнули перед ее глазами.

Поначалу отец казался чудеснейшим человеком, и она обожала его со свойственным ребенку пылом. Мать она любила чуть меньше, однако не делала между родителями различия, привязываясь то к одному, то к другому; отец же, с его неотразимым шармом и способностью к соперничеству, совершенно покорила девочку. Люси обожала отца: с ним было так хорошо, так весело, что она ненавидела деловых партнеров, отнимавших у Фреда Аллертона много времени.

После смерти миссис Аллертон Джорджа отправили в школу, Люси же, под надзором гувернантки, жила в Хамлинс-Перлью со своими книгами, собаками и лошадьми. Понемногу она стала понимать, что отец, казавшийся ей воплощением рыцарского духа, на самом деле человек слабый, ненадежный и нечестный. Она гнала зловредные мысли прочь, сама обвиняла себя в бездушности, но череда мелких происшествий раскрыла ей глаза. С мучительным содроганием Люси поняла, что у них с отцом

разные представления о правдивости. Он редко держал данное слово и был не особо порядочен в финансовых делах. Для нее же честность, правильность и точность во всех вопросах были чем-то самим собой разумеющимся; семейная гордость требовала вести дела в десять раз осторожнее, чем принято у обычных людей.

И вот из брошенных то тут, то там намеков и бессознательных подозрений у нее наконец сложилась истинная картина жизни отца. Люси выяснила, что все земли до последнего клочка уже заложены, на мебель оформлены купчие, картины распродаются и, самое главное, все деньги, что мать передала в управление отца для них с Джорджем, уже растрачены. Фред же Аллертон по-прежнему жил в неумеренной роскоши.

Все эти обстоятельства открывались постепенно. Люси не у кого было спросить совета, и пришлось определять линию поведения самостоятельно. Она почти ничего не знала наверняка — лишь предполагала, и потому решила больше ничего не узнавать. Выясняя обстоятельства постепенно, она сумела приспособить к ним свое поведение. Семейная гордость Аллертонов, которой необъяснимым образом был лишен Фред, нашла свое прибежище в Люси, и открывшиеся обстоятельства лишь усиливали ее. Люси с пылким безрассудством возвращала в себе эту гордость — единственную опору в минуту крушения идеалов. Она чтит предков, портреты которых смотрели со стен Хамлинс-Перлю. От них остались лишь лица и имена, но в воображении девушки предки представляли живыми

людьми, способными хоть как-то противостоять отцовской слабости. Их честность, сила и добродетель должны были в конце концов пересилить необузданность одного-единственного человека. Еще она любила свой дом с его изысканной обстановкой, пышными садами и обширными, плодородными полями; сильнее же всего обожала дикие пустоши и прибрежные болота, обожала с особым, грустным и каким-то неистовым пылом — потому что рисковала их вовсе лишиться. Всю свою волю Люси обратила на то, чтобы сохранить дом для брата. Она мечтала зажечь его решимостью вырвать семейные угодья из рук чужаков, вернуть Хамлинс-Перлью исконную свободу.

Все надежды Люси связывала с Джорджем. Он мог вернуть в семью утраченное, ее же задача — подготовить его к решению этой благородной задачи. Брат рос, и она решила полностью оградить его от известий о пороках отца. Для Джорджа тот должен оставаться джентльменом.

Всю прежнюю дочернюю любовь Люси обратила на брата. Она с гордостью следила, как тот рос, интересовалась его делами, старалась заменить Джорджу умершую мать и недостойного отца. Ее стараниями Джордж по достижении нужного возраста был отправлен на учебу в Винчестер, Люси же интересовалась его успехами и пылко поддерживала во всех начинаниях.

Былая любовь к отцу уступила место жалостливой нежности, и она изо всех сил скрывала эту перемену. Когда он приезжал, притворяться было несложно — она так и не научилась противостоять его

обаянию; а вот когда Фред был в отъезде и не мог все объяснить, девушку охватывали ужас и возмущение. Никто об этом не знал, она же твердо решила не только разобраться в хитросплетении тяжелых обстоятельств, но и скрывать положение вещей от других.

Неисчерпаемые денежные запасы Фреда Аллертона подошли к концу, и Люси теперь приходилось тщательно экономить. Снижая расходы где только можно, девушка жила крайне бережливо. Она ненавидела просить деньги у отца, а поскольку тот регулярно забывал выплачивать полагающееся ей содержание, Люси приходилось во многом себе отказывать. Едва повзрослев, она взяла в свои руки все работы по дому и научилась так вести дела, что никто и не догадался бы, как тяжело ей сводить концы с концами. Чувствуя, что близятся тяжелые времена, она продала лошадей и отпустила большинство слуг. При мысли, что с Хамлинс-Перлью придется расстаться, Люси охватил ужас. Она готова была на любые жертвы — лишь бы сохранить родительский дом, даже если придется жить в полной бедности.

Становилось все тяжелее. Никто и представить не мог, на какие ухищрения шла Люси, чтобы удержаться на плаву, — она выносила все тяготы с неизменной веселостью. Никто из соседей, с которыми ее связывали узы родства и многолетняя дружба, даже не заподозрил, как ей страшно. Люси чувствовала, что им известно положение дел, однако держалась гордо и не давала повода для жалости. Отец все реже бывал дома и, казалось, избегал оставаться с дочерью наедине. Они никогда не обсуждали по-